

И. С. Конев,
Маршал Советского Союза

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

Двенадцатого января 1945 года войска 1-го Украинского фронта, которым мне выпала честь командовать, приступили к проведению Висло-Одерской стратегической наступательной операции.

В этой крупнейшей операции бок о бок с нами действовал 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова. Но я, вспоминая то время, естественно, буду останавливаться преимущественно на том, что находилось непосредственно в поле моего зрения, то есть на действиях 1-го Украинского фронта.

Я назвал 12 января, день начала операции, но, чтобы рассказать об этой операции действительно с самого начала, придется вернуться на полтора месяца назад — к концу ноября 1944 года.

Тогда меня вызвали в Москву с планом операции, разработанным командованием фронта. Я доложил его в Ставке Верховного Главнокомандования И. В. Сталину в присутствии членов Государственного Комитета Обороны.

Я хорошо помню, как обстоятельно И. В. Сталин изучал этот план. Особенно внимательно он рассматривал на карте Силезский промышленный район. Здесь было огромное скопление предприятий, шахт с мощным оборудованием, расположенным на земле, различного вида промышленных построек. Все это, вместе взятое, представляло очень большие препятствия для маневренных действий войск при наступлении.

Даже на карте масштабы Силезского района и его мощь выглядели внушительно. Сталин, как я прекрасно понял, подчеркивая это обстоятельство, показал пальцем на карту, обвел этот район и сказал:

— Золото.

Сказано это было так, что, в сущности, не требовало дальнейших комментариев.

Для меня, как командующего фронтом, уже и без того было ясно, что вопрос об освобождении Домбровско-Силезского промышленного района надо решать по-особому.

Надлежало принять все меры к предельно возможному сохранению его промышленного потенциала, тем более что после

освобождения эти исконно польские земли должны отойти к Польше. И потому по нашему плану удары войск шли в обход этого района, севернее и южнее его. Однако не скрою, когда Сталин так веско, значительно сказал: «Золото», я подумал, что следует еще более внимательно и глубоко изучить все возможности не только освобождения, но и спасения Домбровско-Силезского промышленного района.

Как тогдашние мои размышления реализовались в ходе операции, я скажу позднее, но, во всяком случае, они наложили определенный отпечаток на боевые действия войск.

План со стороны Ставки возражений не встретил и был целиком одобрен. Не теряя времени, я вернулся на фронт. Началась подготовка к операции.

Прежде всего нам предстояло создать сильную ударную группировку на западном берегу Вислы, на так называемом сандомирском плацдарме. По замыслу именно с этого плацдарма мы должны были прорвать хорошо организованную прочную оборону противника.

К тому времени сандомирский плацдарм был самым мощным из всех наших плацдармов на Висле: он имел по фронту около семидесяти пяти километров и до шестидесяти километров в глубину. Это давало нам возможность разместить там довольно солидные силы.

Немцы, разумеется, понимали значение плацдарма и на протяжении длительного времени активно стремились спихнуть нас с него. При этом использовались весьма внушительные силы.

Мы планировали осуществить с этого плацдарма прорыв шириной до сорока километров. Это само по себе говорило о размахе задуманной операции.

На плацдарме было отрыто полторы тысячи километров траншей и ходов сообщения: построено тысяча сто шестьдесят командных и наблюдательных пунктов; подготовлено одиннадцать тысяч артиллерийских и минометных позиций, десять тысяч землянок и разного рода укрытий для войск; проложено заново и приведено в порядок больше двух тысяч километров автомобильных дорог в расчете на то, чтобы к началу наступления на каждую дивизию и каждую танковую бригаду имелось по две дороги. Это позволяло избежать пробок. Кроме того, инженерные войска навели через Вислу тридцать мостов и организовали три паромные переправы большой грузоподъемности. К этому стоит добавить, что для предпологавшегося нами маскировочного маневра инженерные войска изготовили четыреста макетов танков, пятьсот макетов автомашин и тысячу макетов орудий.

Готовясь начать наступление 12 января, мы уже должны были считаться как с реальностью с тем, что из-за непогоды придется подавлять немецкую оборону одной артиллерией, без авиации. Не знаю даже, как точнее сказать: были мы в ладах или не в

ладах с метеорологией. Вернее сказать, мы с ней ладили и проводили свои операции и зимой, и весной, и в ненастье, и в непогоду, и, как правило, с успехом для нашего оружия.

Между прочим, на эту тему есть одно любопытное высказывание Гитлера. Оно содержится в изданных в Западной Германии стенографических записях бесед, происходивших в его главной квартире. В декабре 1942 года во время одного из докладов о положении на южном участке восточного фронта и об опасности высадки нашего десанта в Крыму Иодль в ответ на вопрос Гитлера, возможна ли высадка, заявил, что высаживаться в такую погоду вообще нельзя. Однако сам Гитлер засомневался. «А русские могут, они пройдут, — возражал он Иодлю. — При снегопаде и прочих вещах мы не смогли бы высадиться, я согласен. А от русских можно этого ожидать».

Деталь довольно выразительная.

Наконец пришло и 12 января 1945 года.

С ночи я выехал на плацдарм, на наблюдательный пункт фронта. Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю. В одной из комнат окно выходило прямо на запад, отсюда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор.

Помимо естественного желания видеть своими глазами начало наступления, я приехал на наблюдательный пункт фронта и для того, чтобы на месте принять необходимые решения в том случае, если действия передовых батальонов покажут, что противник отошел.

Ровно в пять утра после короткого, но мощного артиллерийского удара передовые батальоны перешли в атаку и быстро овладели первой траншеей обороны противника. Уже по самым первым донесениям стало ясно, что враг никуда не отошел, что он находится здесь, на месте, в зоне воздействия всех запланированных нами ударов артиллерии.

Артиллерийский удар при всей своей краткости был настолько сильным, что создал у неприятеля впечатление начала общей артиллерийской подготовки. Приняв действия передовых батальонов за общее наступление наших войск, фашисты попытались всеми своими огневыми средствами остановить его.

На это мы и рассчитывали. Передовые батальоны, заняв первую траншею, залегли между первой и второй. Именно в этот момент началась артиллерийская подготовка. Она продолжа-

лась час сорок семь минут. И была такой мощной, что, судя по целому ряду трофейных документов, противнику почудилось, будто длилась она не менее пяти часов.

А прогнозы метеорологов подтвердились полностью и даже с лихвой. Не только в темноте, когда началась артиллерийская подготовка, но и потом, когда уже рассвело, видимости фактически не было никакой. С неба хлопьями валил густой снег, словно погода специально позаботилась о том, чтобы создать нам дополнительную маскировку. Когда несколько часов спустя мимо нашего наблюдательного пункта в прорыв входила танковая армия Рыбалко, машины были так замаскированы густым снегом под общий фон местности, что их можно было различить только потому, что они двигались.

Разумеется, такая погода имела свои минусы. Что хорошо для маскировки, то плохо для наблюдения. Но все было заранее так тщательно подготовлено и сориентировано, что ни во время артиллерийской подготовки, ни во время прорыва, ни во время ввода в прорыв танковых армий не возникло никакой путаницы. Все наши планы в этот день выполнялись с особой пунктуальностью, которая, надо сказать, не так-то часто достижима на войне. Именно потому я с особенным удовольствием вспоминаю тот день прорыва.

Во время нашей артподготовки вражеские войска, в том числе и часть резервов, располагавшихся в тактической зоне обороны, или, проще говоря, придвинутых слишком близко к фронту, попали под мощный артиллерийский удар и были деморализованы и утратили способность выполнять свои задачи.

Взятые в плен в первые часы прорыва командиры немецко-фашистских частей показали, что их солдаты и офицеры потеряли всякое самообладание. Они самовольно (а для немцев это, надо прямо сказать, не характерно) покидали свои позиции. Немецкий солдат, как правило — и это правило подтверждалось на протяжении всей войны, — сидел там, где ему приказано, до тех пор, пока не получал разрешения на отход. Но в этот день, 12 января, огонь был столь беспощадным, что оставшиеся в живых уже не могли совладать с собой.

Анализируя эту операцию, военные историки из ФРГ склонны, как, впрочем, и в ряде других случаев, валить ответственность за свои неудачи на одного Гитлера. Они обвиняют его в том, что он приказал разместить резервы, в том числе 24-й танковый корпус, в непосредственной близости к фронту, в результате чего эти резервы якобы сразу же попали под наш мощный огневой удар и понесли крупные потери.

Допускаю, что в данном случае военные историки отчасти правы. Поскольку 4-я танковая армия держала оборону на важном операционном направлении, прикрывавшем дальние подступы к Берлину, не исключено, что Гитлер, исходя из собствен-

ных представлений о том, как нужно обеспечивать устойчивость войск, действительно требовал придвижки резервов вплотную к фронту. Во всяком случае, по моим наблюдениям, сложившимся в ходе войны, такое неграмотное размещение оперативных резервов, как в этой операции, для немецко-фашистского генералитета не характерно. С точки зрения элементарных требований военного искусства — это чистая профанация.

Однако Гитлер виноват тут частично, а всю остальную долю вины мы берем на себя. Резервы немцев были расположены все-таки на переднем крае, а в тылу. И не будь наша артподготовка проведена с такой плотностью и на такую глубину, они не понесли бы в первые же часы катастрофических потерь.

Чтобы хоть как-нибудь задержать дальнейшее продвижение наших войск, гитлеровское командование начало поспешно отводить остатки своих разбитых частей на вторую полосу обороны. Отвод происходил под непрерывным огнем нашей артиллерии, и противник нес все новые и новые потери. Вообще говоря, гитлеровское командование поступило правильно, быстро приняв решение на отвод всего, что еще уцелело. И все же ему мало что удалось спасти из тех войск, которые противостояли нам на участке прорыва в первой полосе обороны.

Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперед, я объехал участок прорыва. Все кругом было буквально перепаханно, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Все завалено, засыпано, перевернуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и минометов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят — двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. «Моща!» — как говорят солдаты.

3-я гвардейская армия Гордова (частью сил), 13-я армия Пухова, 52-я Коротеева, 5-я гвардейская Жадова за первый день боев продвинулись на глубину от пятнадцати до двадцати километров и, прорвав главную полосу обороны немцев, расширили прорыв в сторону флангов влево и вправо от сорока до шестидесяти километров.

Это успешное продвижение общевойсковых армий и расширение ими прорыва дало возможность нам уже к середине первого дня ввести в пробитую брешь танковые армии Рыбалко и Лелюшенко.

Ввод танковых армий в огромные, пробитые для них ворота проходил спокойно, безболезненно и организованно. И противник, сунувшись своими танковыми войсками из района южнее Кельце, напоролся на наши танки.

В этот день нашего прорыва были взяты в плен несколько командиров немецких частей и штаб-офицеров. Но у меня не

оказалось времени, чтобы побеседовать с ними. Поэтому рассказать, как выглядело все происходившее на поле боя с точки зрения противника, я не могу. Но это в какой-то мере поправимо. С достаточной объективностью о прорыве пишет генерал Курт Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны». Его свидетельство мне кажется совсем не лишним штрихом в картине происходившего, которую я пытаюсь нарисовать.

Вот что писал Типпельскирх о дне 12 января:

«Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце».

Наступление главных сил фронта продолжалось энергичными темпами и было столь стремительным, что к рубежам рек, текших перпендикулярно нашему движению, мы успевали выходить раньше отступавших немецко-фашистских войск.

Используя все, что оказалось под руками — и остатки отходящих частей, и подбрасываемые из глубины резервы, — гитлеровцы пытались во что бы то ни стало задержать дальнейшее продвижение нашей главной группировки к Одру.

Да и странно было бы, если бы они не собирались здесь драться. Силезский промышленный район по выпуску продукции занимал у них второе место после Рура. Видимо, фашисты рассчитывали, опираясь на сильно укрепленный Краковский крепостной район, остановить нас, а в последующем, при первой возможности, нанеся удар на север, во фланг и тыл нашей главной группировки, сорвать все наступление и удержать за собой весь Силезский промышленный район.

Для меня было очень важным добиться стремительности действия всех войск, участвовавших в наступлении на Краков. Только наша стремительность могла спасти Краков от разрушений. А мы хотели взять его неразрушенным. Командование фронта отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу. Но зато укрепленные подступы к городу, на которые опиралась вражеская оборона, мы в то утро подвергли сильному артиллерийскому огню.

Продвижение было успешным. Гитлеровцы вели по нашим войскам ружейный, автоматный, пулеметный, артиллерийский, а временами и танковый огонь, но, несмотря на шум и треск, все-таки чувствовалось, что этот огонь уже гаснет и, по существу, враг уже сломлен.

Говорят, будто солдатское сердце привыкает за долгую войну к виду разрушений. Но как бы оно ни привыкло, а смириться с руинами не может. И то, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целехоньким, было для нас огромной радостью.

Кстати сказать, мин в городе фашисты заложили более чем достаточно — под всеми основными сооружениями, под многими историческими зданиями. Но взорвать их уже не смогли. Не успели сработать и самовзрывающиеся мины замедленного действия. Первые сутки саперы, и армейские, и фронтовые, трудились буквально не покладая рук.

В тот день, во время боя, я заехал только на северную окраину города, а на следующий день, ровно через сутки, я уже видел расчищенные маршруты с визитными карточками саперов: «Очищено от мин», «Мин нет», «Разминировано».

Чем ближе наши войска подходили к реке Одер, тем решительнее мы убеждались, что противник любой ценой будет удерживать Силезский промышленный район. Уже вечером 19 января, в день взятия Кракова, мы, оценивая перспективы боев в Силезском промышленном районе, поняли, что враг способен сосредоточить здесь крупную группировку войск: до десяти — двенадцати дивизий, не считая отдельных и специальных частей.

Было принято решение: глубоко обходить Силезский промышленный район танковыми соединениями, а затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступающими на Силезию с севера, востока и юга, заставить гитлеровцев под угрозой окружения выйти в открытое поле и там разгромить их.

С этой целью 20 января 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко получила от командования фронта задачу изменить направление своего наступления. Крутой поворот целой танковой армии, уже нацеленной на другое направление и находящейся в движении, — дело весьма непростое. Одновременно были даны соответствующие распоряжения и общевойсковым армиям.

Дальнейшие события показали, что предпринятый маневр соответствовал сложившейся обстановке.

Силезский промышленный район — крупный орешек: ширина его семьдесят и длина сто десять километров. Вся эта территория сплошь застроена главным образом железобетонными сооружениями и массивной кладки жилыми домами. Перед нами был не один город, а фактически целая система сросшихся между

собой городов общей площадью в пять-шесть тысяч квадратных километров. Если противник засядет здесь и станет обороняться, то одолеть его будет очень трудно. Неизбежны большие человеческие жертвы, разрушения. Весь район может оказаться в развалинах.

Словом, во что обойдется нам уничтожение окруженного в Силезском промышленном бассейне противника, я отчетливо себе представлял. Однако и отказаться от окружения было не так-то просто. Не скрою, во мне происходила внутренняя борьба. Положение осложнялось еще и тем, что несколько дней назад, в начале операции, когда мы еще не успели приблизиться к Силезскому району, не успели до конца прочувствовать, с чем, с какими потерями, с какими разрушениями могут быть связаны длительные бои в этом районе, мной был отдан приказ на окружение.

Я ехал в подходившую с севера армию Рыбалко, и у меня зрела мысль, что мы обязаны взять Силезский промышленный район непременно целым, а значит, должны выпустить гитлеровцев из этой ловушки и добить их потом, в поле. А с другой стороны, именно окружение есть высшая форма оперативного искусства, его венец. Так как же вдруг взять и отказаться от этого? Нелегко было мне, военному профессионалу, воспитанному в духе стремления при всех случаях окружать противника, выходить на его пути сообщения, не выпускать из кольца, громить, — вдруг вместо всего этого пойти вопреки сложившейся доктрине, твердо установившимся взглядам. Взглядам, которые я и сам исповедовал.

Это было нелегкое психологическое состояние, усугублявшееся еще и тем, что армия Рыбалко, которую после принятия решения не окружать врага мне предстояло еще раз поворачивать, — эта армия шла сюда с настроением именно окружить противника, сомкнуть кольцо вокруг него, не выпустить его. А мне надо было пойти наперекор всем этим вполне закономерным ожиданиям и переориентировать армию и ее командующего на другую, новую задачу.

Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием Польши. Кроме того, и наши войска понесут тяжелые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зда-

нием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях, где берешь дом за домом, приходится платить дорогой ценой, жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалека. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними с живыми до победы.

На моих плечах лежала в данном случае большая ответственность, и я, не будучи от природы человеком нерешительным, все же, не скрою, долго колебался и все взвешивал, как поступить.

В итоге всех размышлений я принял окончательное решение: не окружать врага, оставить ему свободный коридор для выхода из Силезского бассейна и добивать его потом, когда он выйдет в поле. Жизнь впоследствии оправдала это решение.

Операция отличалась высокими темпами продвижения войск. Уже в первый день армии Жадова, Коротеева, Пухова преодолели с боями расстояние в пятнадцать — двадцать километров, а в последующие дни наступали по двадцать пять — тридцать километров в сутки. Танкисты делали за сутки по сорок — пятьдесят километров, а в отдельные дни по шестьдесят — семьдесят километров, на ходу грома подходившие из глубины резервы врага.

Если взять Висло-Одерскую операцию в целом, то за двадцать три дня наступления войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, при активном содействии войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов, продвинулись на глубину до шестисот километров, расширили прорыв до тысячи километров и с ходу форсировали Одер, захватив на нем ряд плацдармов.

В ходе операции войска 1-го Украинского фронта очистили от врага Южную Польшу с ее древней столицей Краковом, овладели Силезским промышленным районом и, захватив на западном берегу Одера оперативные плацдармы, создали благоприятные условия для нанесения последующих ударов по врагу как на Берлинском, так и на Дрезденском направлениях.

По нашим подсчетам, за двадцать три дня боевых действий 1-й Украинский фронт нанес поражение двадцати одной пехотной, пяти танковым дивизиям, двадцати семи отдельным пехотным, девяти артиллерийским и минометным бригадам, не говоря уже об очень большом числе различных специальных подразделений и отдельных батальонов.

За время операции было взято сорок три тысячи пленных и уничтожено, по нашим подсчетам, больше ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров. Среди захваченных трофеев насчитывалось более пяти тысяч орудий и минометов, более трехсот танков, более двухсот самолетов и очень большое количество всякого иного вооружения и боевой техники.

Вот что писал впоследствии военный историк Западной Германии, бывший генерал немецко-фашистской армии Ф. Меллентин: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

...Вот так начинался февраль 1945 года. Гитлеровцы «с предельной быстротой» перебрасывали войска с западного фронта на восточный на выручку своим армиям, разбитым в Висло-Одерской операции. А мы готовились к новым операциям и боям.